

АРТУР

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Чарльз Кларк

Пески Марса

«Издательство АСТ»

1951

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Кларк А.

Пески Марса / А. Кларк — «Издательство АСТ»,
1951 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-149145-1

Популярный писатель Мартин Гибсон летит на Марс, чтобы своими глазами увидеть, как обустроились там колонисты, и сделать серию репортажей для земных газет. От этого путешествия он не ждет каких-то особенных впечатлений, но действительность превосходит его ожидания. Мужество людей, посвятивших себя освоению негостеприимной Красной планеты, отчаянной борьбе с суровым климатом и смертельными болезнями, заставляет Гибсона по-новому взглянуть на собственную жизнь и работу.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149145-1

© Кларк А., 1951
© Издательство АСТ, 1951

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Артур Кларк Пески Марса

Arthur C. Clarke

THE SANDS OF MARS

© Rocket Publishing Company Ltd, 1951

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Глава 1

– Значит, первый раз наверху? – спросил пилот, лениво откинулся в кресле и заложил руки за голову с беспечностью, которая не внушила бодрости пассажиру.

– Да, – сказал Мартин Гибсон, не отрывая глаз от хронометра, отсчитывающего секунды.

– Так я и думал. Вы никогда это правильно не описывали. И почему люди пишут такую чушь! Вредит делу.

– Простите, – ответил Гибсон. – Мне кажется, вы говорите о моих ранних рассказах. Тогда еще не было космических полетов. Мне приходилось выдумывать.

– Может быть, может быть, – проворчал пилот. (На приборы он и не смотрел, а до пуска оставалось две минуты.) – Наверное, занятно лететь самому, когда вы столько раз об этом писали?

Гибсон подумал, что вряд ли он сам выбрал бы именно это слово, но точку зрения пилота он понимал. Десятки его героев – и положительных, и отрицательных – зачарованно смотрели на безупречную секундную стрелку, ожидая, пока ракета рванется в бесконечность; а теперь (как всегда бывает, если ждешь достаточно долго) реальность нагнала вымысел. Всего через девяносто секунд это ждет его самого. Ничего не скажешь, занятно. Так сказать, справедливо с литературной точки зрения.

Пилот взглянул на него, понял и приветливо улыбнулся:

– Смотрите не испугайтесь собственных рассказов.

– Я не боюсь, – с излишней пылкостью заверил Гибсон.

– Хм... – хмыкнул пилот и снизошел до взгляда на часы. Секундная стрелка должна была сделать еще один круг. – Только я бы на вашем месте не хватался так за сиденье. Можете погнуть.

Гибсон покорно откинулся в кресле.

– Конечно, – сказал пилот (он все еще был спокоен, но Гибсон заметил, что теперь он не отрывает взгляда от приборов), – это было бы не так уж приятно, если бы продолжалось подольше... А вот и горячее пошло. Вы не волнуйтесь, при вертикальном старте бывают занятные вещи. Пускай кресло мотается, как ему угодно. Закройте глаза, если так вам лучше. Потерпите. Я говорю: по-тер-пи-те.

Но Мартин Гибсон не внял совету. Он потерял сознание, хотя ускорение еще не превысило ускорения в скоростном лифте.

Он очнулся, и ему стало стыдно. Солнце било в лицо, и он понял, что защитная пластина на панцире соскользнула в сторону. Свет был яркий, но не такой невыносимый, как он ожидал, – только часть лучей просачивалась сквозь темное стекло.

Он взглянул на пилота; тот склонился над пультом и что-то деловито записывал в бортовой журнал. Было очень тихо, только время от времени где-то фыркало, и Гибсону это не понравилось. Он вежливо кашлянул, извещая, что пришел в чувство, и спросил пилота, что это значит.

– Термический эффект в двигателях, – коротко ответил пилот. – Температура там подскочила тысяч на пять градусов, а теперь они быстро охлаждаются. Вам лучше?

– Мне совсем хорошо, – ответил Гибсон. Он действительно так думал. – Можно встать?

– Вам виднее, – недоверчиво сказал пилот. – Только поосторожней. Держитесь за что-нибудь прочное.

Гибсону и правда стало очень хорошо, весело. Наступила минута, которой он ждал всю жизнь. Он в космосе! Конечно, жаль, что он пропустил пуск, но в статьях об этом можно умолчать.

За тысячу километров Земля была еще большая, но как-то разочаровывала. Вскоре он понял почему. Он видел слишком много космических фотографий и фильмов и знал, чего ждать. Облака, как им и полагалось, медленно двигались вокруг земного шара. В центре суша и вода различались очень четко, и бесчисленные подробности были прекрасно видны, а по краям диска все терялось в плотной дымке. Даже прямо под ним многое было непонятно и потому бессмысленно. Конечно, метеоролог очень обрадовался бы, увидев отсюда, сверху, естественную карту погоды; но почти все метеорологи и так сидели на космических станциях, и под ними открывался вид не хуже этого. Скоро Гибсон устал искать города и другие плоды человеческой деятельности. Противно было думать, что за столько тысячелетий человеческая цивилизация не сумела существенно изменить то, что он видел сейчас.

Он посмотрел на звезды и снова разочаровался. Их было много, очень много, но все они казались бледными, тусклыми призраками той сверкающей россыпи, которую он думал узреть. Он знал, что виновато темное стекло – защищая от солнца, оно похитило красоту звезд.

Гибсон даже рассердился. Только в одном отношении надежды его оправдались – приятно было знать, что ты сможешь парить, стоит тебе оттолкнуться пальцем от стен; хотя места для смелых экспериментов явно не хватало. Теперь, когда изобрели специальные таблетки и космическая болезнь отошла в прошлое, невесомость стала прекрасной, как в сказке. Он был этому рад. Как страдали его герои! Он вспомнил первый полет Робина Блейка в полном варианте «Марсианской пыли». Эту книгу он писал под сильным влиянием Лоуренса. (Интересно бы как-нибудь составить список авторов, под чьим влиянием он не находился.)

Без сомнения, никто лучше Лоуренса не описывал физиологических процессов. И вот Гибсон совершенно сознательно решил сразиться с ним его же оружием. Он посвятил целую главу космической болезни, описал все ее симптомы: сперва тебя подташнивает, но тошноту еще можно подавить усилием воли; потом тошнит нестерпимо; потом выворачивает наизнанку; и наконец, наступает спасительное изнеможение. Эта глава была истинным шедевром сурового реализма. К сожалению, осторожные издатели заставили ее изъять. Он так много над ней работал; когда он писал, он действительно пережил все эти ощущения. Даже теперь...

– Удивительно, – задумчиво сказал врач. – Он прекрасно прошел медицинские испытания, и, несомненно, ему на Земле сделали все прививки. Должно быть, нервное...

– А мне какое дело? – мрачно сказал пилот, следуя за процессией в недра космической станции. – Кто мне вымоет кабину, вот что я хочу знать!

По-видимому, на этот крик души не хотелось отвечать никому, а меньше всех Мартину Гибсону, который смутно различал белые стены, маячившие по сторонам. Вес медленно увеличивался, ласковое тепло разливалось по рукам и ногам. Наконец Гибсон понял, где он. Он был в больничной палате, и мягкое тепло инфракрасных ламп прогревало его насквозь.

– Ну как? – спросил врач.

Гибсон слабо улыбнулся:

– Простите, пожалуйста. Это повторится?

– Я не могу понять, как это вообще случилось. Наши таблетки еще не подводили.

– Полагаю, я сам виноват, – сказал Гибсон. – Понимаете, у меня очень сильное воображение, а я стал думать о симптомах космической болезни – конечно, совершенно отвлеченно – и не заметил, как...

– Прекратите! – резко приказал доктор. – Не то придется вернуть вас на Землю. Забудьте о таких штуках, если собираетесь на Марс. Иначе месяца через три от вас ничего не останется.

Измученный Гибсон вздрогнул. Но ему явно становилось лучше, и ужасы последнего часа уходили в прошлое.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Только выпустите меня из этой духовки, пока я не испекся.

Не совсем уверенно он встал на ноги. Было очень странно здесь, в космосе, чувствовать свой вес. Он вспомнил, что Станция-1 вертится вокруг своей оси, жилые отсеки построены на внешних стенах и центробежная сила создает иллюзию невесомости.

Он подумал, что его Великое Приключение началось не совсем удачно. Но возвращаться нельзя. Дело не только в уважении к себе – если он вернется, это пошатнет его литературную репутацию. Он вздрогнул, представив себе заголовки: «Гибсон вернулся!», «Автор книг о космосе – жертва космической болезни!» Даже в литературных еженедельниках его продернут, а в «Тайм»... нет, и подумать страшно!

– Хорошо, – сказал врач, – что до старта космолета еще двенадцать часов. Я вас отправлю в камеру невесомости и посмотрю, как вы там справитесь.

Гибсон не мог не признать, что это дельная мысль. Раньше он считал себя здоровяком, и до сих пор ему не приходило в голову, что путешествие может оказаться не только неприятным, но и опасным. Легко смеяться над космической болезнью, когда вы сами ее не испытали!

Внутренняя станция – Космическая станция-1, как ее обычно называли, – находилась в двух с лишним тысячах километров от Земли и делала вокруг нее виток за два часа. Это была первая ступенька на пути к звездам. Хотя технически она уже не была нужна, она сильно удешевляла космические полеты. Все рейсы на Луну и на планеты начинались отсюда. Атомные космолеты забирали тут земной груз. Ракеты на химическом горючем связывали станцию с Землей – закон запрещал атомным космолетам подходить к Земле ближе чем на тысячу километров. Многие считали, что и этого мало: радиоактивный выброс мог покрыть это расстояние меньше чем за минуту.

Станция с годами росла, и первые ее проектировщики не узнали бы ее теперь. Вокруг сферического ядра лепились обсерватории, лаборатории и мудреные приборы, в которых могли разобраться только специалисты. Но несмотря на все пристройки, основная задача искусственной луны была все та же: здесь заправлялись космолеты – хрупкие творения рук человека, бросающего вызов одиночеству Солнечной системы.

– Вы вполне уверены, что вам хорошо? – спросил врач, пока Гибсон пытался стоять как следует.

– Да, кажется, – осторожно ответил тот.

– Тогда идемте в гостиную, там вам дадут выпить. Хорошего горячего чаю, – прибавил он во избежание недоразумений. – Посидите, почитаете газеты полчаса, а мы решим, что с вами делать.

Гибсон был шокирован. Святотатство за святотатством! До Земли две тысячи километров, кругом – звезды, а он пьет сладенький чай (подумать только – чай!) в комнате, похожей на приемную дантиста. Окон не было – вероятно, для того, чтобы зрелище быстро вращающихся небес не помешало действию лекарств. Оставалось рыться в горах старых журналов, а это было нелегко, потому что журналы оказались сверхлегкие, напечатанные на папиросной бумаге. К счастью, он нашел номер «Кормчего» со своим рассказом, таким старым, что он сам забыл конец, и потому неплохо провел время, дожидаясь врача.

– Пульс в норме, – ворчливо сказал врач. – Сейчас пойдем в камеру невесомости. Следуйте за мной и ничему не удивляйтесь.

С этими загадочными словами он вывел Гибсона в широкий, ярко освещенный коридор, который, по-видимому, и спереди и сзади уходил вверх. Гибсон не успел разобраться, в чем тут дело, – врач отодвинул боковую дверцу, и перед ними возникли металлические ступеньки. Гибсон машинально прошел несколько шагов, но посмотрел вперед, остановился и вскрикнул от удивления.

Там, где он стоял, лестница поднималась под обычным углом в сорок пять градусов. Потом она становилась круче и метрах в десяти шла вертикально. Но несмотря на это, угол

возрастал – как тут не испугаться! – пока лестница не загибалась назад и не уходила в неизвестность где-то наверху и сзади.

Услышав его крик, врач оглянулся и ободряюще хихикнул.

– Не всегда надо верить глазам, – сказал он. – Идите. Это нетрудно.

Гибсон неохотно двинулся вперед, и сразу же два ощущения поразили его. Во-первых, он становился все легче. Во-вторых, хотя лестница шла круче и круче сзади за ним, она лежала все под тем же углом в сорок пять градусов. Впереди, над ним, лестница чуть уходила в сторону, и, хотя она искривлялась, наклон ее не менялся. Вскоре Гибсон понял, в чем дело. Ощущение весомости давала центробежная сила – ведь станция вращалась вокруг своей оси, – а по мере приближения к центру тяготение уменьшалось до нуля. Сама лестница обвивала ось особой спиралью – когда-то он знал ее научное название, – так что, несмотря на радиальное тяготение, наклон под ним оставался все тот же. К таким вещам работники космических станций быстро привыкают. Наверное, когда они возвращаются на Землю, им неприятно смотреть на обычную лестницу.

В конце лестницы слова «вниз» и «вверх» потеряли свой реальный смысл. Гибсон вошел в продолговатую цилиндрическую комнату, где не было ничего, кроме крест-накрест натянутых веревок; в дальнем ее конце сквозь иллюминатор врывался солнечный свет. Вскоре Гибсон увидел, что свет этот, как луч прожектора, обходит всю комнату, то исчезая, то появляясь в иллюминаторах. В первый раз чувства сообщили ему о том, что станция действительно вращается, и он прикинул время вращения, заметив, через сколько секунд вернулось Солнце на свое место. «День» маленького искусственного мирка укладывался меньше чем в десять секунд; но этого было достаточно, чтобы создать ощущение нормальной весомости у внешних стен.

Продвигаясь за врачом по веревкам, Гибсон чувствовал себя пауком в лабиринте паутины. Наконец он достиг наблюдательного поста и понял, что они в конце какой-то трубы, параллельной оси станции и выступающей вперед. Отсюда вид на звезды не закрывали ни пристройки, ни приборы.

– Я вас оставлю ненадолго, – сказал врач. – Здесь есть на что посмотреть, и плохо вам не станет. А если станет, вспомните, что внизу этой лестницы нормальное тяготение.

«Да, – подумал Гибсон, – и возвращение на Землю». Но он твердо решил пройти испытание и получить медицинскую справку.

Понять, что вращается станция, а не Солнце и звезды, было совершенно невозможно. Приходилось просто верить. Звезды неслись так быстро, что удавалось ясно различить только самые яркие, а Солнце, когда Гибсон разрешил себе взглянуть на него, золотой кометой пронеслось мимо. Сейчас нетрудно было понять, почему люди так и не хотели верить, что вертится Земля, а не прочный свод небес.

Земля огромным полумесяцем закрывала полнеба. По мере того как станция неслась по своей орбите, она медленно росла; минут через сорок она должна была стать полной, а еще через час – когда станция войдет в конус ее тени – исчезнуть, закрыть Солнце черным щитом. Земля пройдет все фазы – до полноземлия и обратно – за два часа. Ощущение времени смещалось, как только он думал об этом. Привычные сутки, месяцы и времена года не значили здесь ничего.

Примерно в километре от станции, ничем с ней не связанные, параллельно двигались три космолета: стреловидная ракета, на которой он прибыл с такими мучениями час назад; грузовик примерно в тысячу тонн, собирающийся на Луну; и, наконец, «Арес», свежеекрасенный, сверкающий, великолепный.

Гибсон так и не примирился с отказом от обтекаемых, узких космолетов, о которых мечтали в первой половине двадцатого столетия. Мир принял эти гантели, он – нет. Конечно, он знал все их достоинства. Обтекаемость не нужна ракете, которая не входит в соприкосновение с воздухом. Во избежание облучений двигатель должен находиться как можно дальше от

команды; и вот два шара, соединенные длинной трубкой, оказались самым простым решением задачи.

«И самым уродливым», – подумал Гибсон. Но вряд ли это важно, если «Арес» всю свою жизнь проведет в космосе, где только звезды увидят его. По-видимому, он был уже запрограммирован и дожидался точно вычисленной секунды; когда оживут его двигатели, он рванется с орбиты и по длинной гиперболе понесется к Марсу.

В тот же миг он, Гибсон, будет уже на борту. Начнется наконец его Приключение; а ведь он никогда по-настоящему не верил, что это будет.

Глава 2

Рубка «Ареса» вмещала не больше трех человек, но, когда космолет выходил на орбиту и можно было стоять на стенах и потолке, здесь вполне умещались шестеро. Все они, кроме одного, бывали в космосе и знали свои обязанности. Однако первый рейс нового космолета – всегда важное событие. К тому же «Арес» был первым в мире пассажирским космолетом. Он был рассчитан на сто пятьдесят пассажиров и тридцать человек команды. Сейчас пропорция была обратная – команда из шести человек ждала единственного пассажира.

– Я все-таки не совсем понимаю, – сказал Оуэн Бредли, помощник капитана по электронике, – что нам полагается делать с этим типом? Вообще кому это взбрело в голову?

– Мне, – сказал капитан Норден, проводя рукой по тому месту, где еще несколько дней назад красовались густые светлые волосы. (На космолетах редко бывают парикмахеры, и, хотя любителей поработать ножницами немало, всякий старается отсрочить тягостную минуту.) – Вы все, конечно, знаете мистера Гибсона?

Все ответили утвердительно, но не все с должным почтением.

– Ерунду пишет, – сказал доктор Скотт. – Теперь, во всяком случае. «Марсианская пыль» была ничего себе, но устарела, устарела.

– Ты уж скажешь! – накинулся на него астрогогатор Маккей. – Последние книжки – самые лучшие. Посерьезней и без ужасов.

Никто не ждал такого пыла от кроткого маленького шотландца. Но раньше чем кто-либо успел возразить, слово взял капитан Норден.

– Вот что, – сказал он, – тут не литературная дискуссия. Мистер Гибсон – знаменитый писатель, почетный гость, и мы его пригласили, чтоб он про нас написал. Дело не в рекламе – («Как можно!» – насмешливо вставил Бредли), – но, конечно, корпорация не желает, чтобы будущие пассажиры были... э-э... разочарованы. В конце концов, это действительно исторический рейс. Он заслуживает хорошей книги. Так что попытайтесь вести себя как следует. Ваша будущая слава, быть может, зависит от этих трех месяцев.

– Смахивает на шантаж, – сказал Бредли.

– Это уж как хочешь, – покладисто откликнулся Норден. – Конечно, я объясню Гибсону, что полный сервис будет у нас позже. Думаю, он поймет и не будет требовать завтрака в постель.

– А посуду мыть он будет? – практично спросил кто-то.

Раньше чем Норден справился с этой этической проблемой, на пульте зажужжало и послышался голос:

– Космическая станция-один вызывает «Арес». Ваш пассажир прибывает на борт.

– Мы готовы, – сказал Норден и повернулся к команде: – Увидит, бедняга, наши бритые макушки и подумает, что угодил в тюрьму. Пойди встретить его, Джимми.

Мартин Гибсон еще не совсем пришел в себя. В ракете, доставившей его на «Арес», невесомость не мучила его. Но то, что он увидел в рубке капитана Нордена, ему не понравилось. Даже в условиях невесомости приятнее притворяться, что где-то низ, а где-то верх. К несчастью, здесь думали иначе – двое членов команды висели наподобие сталактитов, а двое под странными углами торчали в воздухе; только капитан удовлетворял требованиям Гибсона. В довершение беды бритые головы придавали всем зловещий вид.

Воцарилось молчание. Команда рассматривала Гибсона. Все узнали его сразу – читатели привыкли к его лицу за два последних десятилетия. Сейчас ему шел пятый десяток. Он был невысокий, круглолицый, с резкими чертами лица; а когда он заговорил, оказалось, что у него глубокий, низкий голос.

– Это, – сказал капитан Норден, тыча рукой в потолок, – наш инженер, зовут его Хилтон. Это доктор Маккей, астрогогатор, – нет, не врач: доктор физики. А вот настоящий доктор, Скотт.

Бредли, мой помощник по электронике. А Джимми Спенсер, который вас встретил, – наш сверхштатный. Думает стать капитаном, когда подрастет.

Гибсон не без удивления оглядел немногочисленную группу. Их было так мало – пятеро мужчин и юноша, почти мальчик. Вероятно, на его лице отразились эти мысли – капитан засмеялся:

– Немного нас, а? Не забывайте, что космолет почти полностью автоматизирован. Да и вообще в космосе никогда ничего не случается.

Гибсон внимательно оглядел тех, с кем ему предстояло жить бок о бок три месяца. Он не верил первому впечатлению, но всегда старался его запомнить; сейчас, увидев их впервые, он удивился – в них не было ничего особенного, если, конечно, не обращать внимания на позы и временное отсутствие волос. А ведь все они занимались делом, романтичнее которого не было на свете с тех пор, как последние ковбои сменили скакунов на вертолеты.

По сигналу, которого Гибсон не понял, члены команды один за другим выскользнули с волшебной легкостью в открытую дверь. Капитан Норден сел в кресло и предложил Гибсону сигарету; тот не сразу решился ее взять.

– Вы позволяете курить? – спросил он. – А как же кислород?

– Они бы взбунтовались, – рассмеялся Норден, – если б я не давал им курить три месяца. А кислорода на это уходит немного.

Гибсон подумал, что капитан Норден никак не укладывается в привычные литературные рамки. По лучшим – во всяком случае, по существующим – традициям капитан космолета – суровый старый волк, который полжизни провел в космосе и может с закрытыми глазами провести корабль через всю Солнечную систему. Когда он отдает приказ, команда вскакивает по стойке «смирно» (что нелегко в условиях невесомости), отдает честь и пулей несется выполнять задание. Но капитану «Ареса» не было сорока, и похож он был на преуспевающего чиновника. Дисциплины же Гибсон до сих пор не заметил. Позднее он обнаружил, что дисциплина на «Аресе» есть, только каждый сам отдает себе приказ.

– Значит, в космосе вы не были? – сказал Норден, пристально глядя на своего пассажира. – Что ж, вам удалось написать немало на основании... э-э... минимальных личных впечатлений.

Гибсон постарался беспечно рассмеяться.

– Да, – сказал он, – обычно считают, что писатели должны испытать все сами. В молодости я много читал о космических полетах и, как мог, старался передать местный колорит. Не забывайте, что последние пять лет я об этом почти не пишу. Странно, что мое имя связывают именно с космосом.

Норден не вполне поверил в его скромность – Гибсон не мог не знать, что именно книги о космосе создали ему славу.

– Время у нас земное, по Гринвичу, – продолжал капитан. – Ночью мы не работаем, вахты не несем – приборы действуют сами, пока мы спим. Отчасти поэтому тут так мало народу. Пока что места хватает, у каждого отдельная каюта. У вас – пассажирская. Надеюсь, она вам понравится. Сколько вам разрешили взять багажа?

– Сто килограммов.

– Сто килограммов?

Норден с трудом сдержался. Как всякий астронавт, он питал отвращение к лишнему грузу и не сомневался, что Гибсон взял уйму хлама. Ну что ж, это согласовано с компанией, и, если груз не выше нормы, не ему сетовать.

– Я скажу Джимми, чтоб он отвел вас в вашу каюту, – сказал Норден. – Он у нас вроде мальчика на побегушках. Многие так начинают – нанимаются в лунный рейс на время каникул. Джимми – парень смысленый. Он уже закончил колледж.

Гибсон не удивился, что тут такой образованный мальчик на побегушках. Он пошел за Джимми, которого явно смущало его присутствие, в пассажирский отсек.

Каюта была крохотная, но хитроумное освещение и зеркальные стены делали ее больше, а койка на «день» превращалась в стол. Почти ничто не напоминало о невесомости, и путешественник сразу почувствовал себя как дома.

Следующий час Гибсон раскладывал пожитки и экспериментировал с кнопками. Особенно ему понравилось зеркальце для бритья, которое превращалось в иллюминатор. Он никак не мог понять, как это делается. Разложив почти все, он лег на койку и пристегнулся ремнями. Невесомость от этого не исчезла, но все же стало спокойнее.

Тут, в маленькой комнатке, которая должна была стать его вселенной на ближайшие сто дней, он мог забыть разочарование и неприятности, которые омрачили его отъезд с Земли. Теперь беспокоиться было не о чем. В первый раз за долгое время он полностью препоручил свое будущее другим. Приглашения, лекции, договоры – все осталось на Земле.

Робкий стук разбудил его. Сперва Гибсон не понял, где он, потом все вспомнил и расстегнул ремни. Он еще плохо координировал движения и, пробираясь к двери, отскочил, как мяч, от стены, которую условились считать потолком. В дверях, переводя дух, стоял Джимми Спенсер.

– Капитан шлет привет, сэр, и спрашивает, не хотите ли вы поглядеть на старт.

– Конечно, хочу, – сказал Гибсон. – Подождите, сейчас возьму камеру.

С наблюдательной галереи, которая опоясывала «Арес», Гибсон впервые увидел звезды, не затемненные ни атмосферой, ни темным стеклом, – здесь, на ночной стороне корабля, солнечные фильтры были отодвинуты. В отличие от станции «Арес» не вращался: система гироскопов удерживала его в одном положении, и звезды на его небе висели неподвижно. Увидев то, что он так часто и так тщетно пытался описать, Гибсон почувствовал, как трудно ему анализировать свои впечатления; а он ненавидел впечатления, которые нельзя пустить в дело. Как ни странно, не яркость и не количество звезд особенно его поразили. Он видел небо не хуже этого со стратолета или с горных вершин; но никогда раньше он не чувствовал с такой остротой, что звезды окружают его, что они рассыпались до самого горизонта, которого он лишился, и даже ниже, под ногами.

Станция-1 сложной сверкающей игрушкой плавала почти рядом, и не было способа определить расстояние – чувство перспективы исчезло. Удивительно близко послышался голос:

– Сто секунд до старта. Примите нужное положение.

Гибсон машинально напрягся и повернулся к Джимми. Но раньше чем он сформулировал вопрос, его проводник бросил: «Я сейчас!» – и куда-то нырнул. Гибсон остался один.

Следующие полторы минуты тянулись до отвращения долго, только голос мерно отсчитывал время. Голос был незнакомый – наверное, прокручивали запись:

– Двадцать секунд до старта.

– Десять секунд до старта.

– Пять секунд... Четыре... Две... Одна...

Что-то очень мягко подхватило Гибсона, и он заскользил по изогнутой, усеянной иллюминаторами стене. Не верилось, что вернулись низ и верх. Совершенно не ощущалось то безжалостное резкое ускорение, которое сопровождает старт химических ракет, – «Арес» мог разогнаться сколь угодно долго, выходя с нынешней орбиты на гиперболу, которая приведет его к Марсу.

Гибсон быстро приспособился к новой обстановке. Ускорение было маленькое – он весил сейчас килограмма четыре и мог двигаться как хотел. Станция не сдвинулась, и только через минуту он понял, что «Арес» медленно удаляется от нее. Спихватившись, он вспомнил о своей камере, но, пока он решал, какую брать выдержку для шарика, сверкающего на густо-черном фоне, станция очутилась далеко, и ее нельзя было отличить от звезд. Когда она исчезла совсем,

Гибсон перебрался на дневную сторону, чтобы снять родную планету. Земля повисла тонким полумесяцем, слишком большим, чтобы уместиться в кадре. Как он и ждал, она медленно прибывала – «Арес» делал еще один виток.

«Вот, – подумал Гибсон, – внизу вся моя жизнь и все мои предки, от первого комочка слизи в первобытном океане. Ни один мореплаватель, покидающий родную землю, не оставлял позади так много. Там – вся земная история. Скоро я смогу закрыть ее мизинцем».

Так думал Гибсон на галерее, когда через час с небольшим «Арес» достиг расчетной скорости и освободился от земного притяжения. Нельзя было определить, когда же наступил и миновал этот миг, – Земля по-прежнему занимала все небо, а двигатели все так же рокотали вдали. Только через десять часов их можно было выключить на все время полета.

Когда эти часы прошли, Гибсон спал. Внезапная тишина и полная потеря веса будили его; он сонно оглядел темную каюту и увидел точечный узор в раме иллюминатора. Как и следовало ожидать, звезды были совершенно неподвижны. Не верилось, что «Арес» мчится от земной орбиты с такой скоростью, что даже Солнце не может его удержать.

Не совсем проснувшись, Гибсон потуже затянул ремни. Он знал, что в ближайшие сто дней не почувствует собственного веса.

Глава 3

Тот же звездный узор заполнял иллюминатор, когда гулкие, как колокол, радиосигналы пробудили Гибсона от крепкого, без сновидений сна. Он торопливо оделся и поспешил вниз, на галерею, – ему не терпелось узнать, где теперь Земля.

Конечно, жителю Земли странно видеть на небе два полумесяца. Но они были тут вместе, оба в первой четверти, один вдвое больше другого. Гибсон знал, что увидит и Луну и Землю, и все же не сразу понял, что его родная планета меньше и дальше, чем Луна.

К сожалению, «Арес» проходил не слишком близко от Луны, но и так она была здесь раз в десять больше, чем у нас, на земном небе. Вдоль линии, отделяющей день от ночи, ясно выступали кратеры; еще не освещенная часть диска смутно серела в отраженном Землею свете; а на ней – Гибсон резко подался вперед, не веря своим глазам, – да, на этой холодной поверхности светлячками мерцали точки, которых раньше не было. Огни первых лунных городов сообщали людям, что после миллионов лет ожидания жизнь пришла и на Луну.

Вежливый кашель прервал его размышления. Потом кто-то невидимый сказал совсем просто:

– Не зайдет ли мистер Гибсон в кают-компанию? Кофе еще не остыл, и пшеничные хлопья не все съели.

Такого с ним не бывало. Он совершенно забыл о завтраке.

Когда с виноватым видом он вошел в кают-компанию, команда горячо спорила о сравнительных достоинствах различных типов космолета. Говорил доктор Скотт (позже Гибсон обнаружил, что так бывало всегда) – по-видимому, человек возбудимый, легко теряющий самообладание. Его главным противником был суховатый, скептический Бредли, которому явно нравилось его поддразнивать. Иногда в бой вступал Маккей; маленький математик говорил быстро, четко, чуть педантично, и Гибсон подумал, что его настоящее место не здесь, а в профессорской.

Капитан Норден поддерживал то одну, то другую сторону, не давая никому из спорщиков взять перевес. Юный Спенсер уже работал, а Хилтон сидел тихо и смотрел на остальных с явным интересом. Его лицо было как будто знакомо Гибсону. Где он мог его видеть? Ах, господи, как же он забыл! Ведь это тот самый Хилтон! Гибсон оторвался от еды, повернулся в кресле и уставился на человека, который привел «Арктур» на Марс после величайшего подвига в истории астронавтики. Только шесть человек побывали на Сатурне, и только трое из них живы. Хилтон стоял когда-то на далеких лунах, чьи имена звучат как заклинания: Титан, Энцелад, Тефия, Рея, Диона; он видел блеск колец, слишком симметричных и совершенных, чтобы быть естественными. Он – в прямом смысле этих слов – побывал на краю света и вернулся в уютное тепло внутренних планет. «Да, – подумал Гибсон, – хотел бы я с ним потолковать...»

Спорщики выплыли на свои посты, а Гибсон мысленно еще вращался вокруг Сатурна, когда капитан Норден придвинулся ближе и прервал его мечтания:

– Не знаю ваших планов, но, думаю, вам интересно осмотреть наш космолет. В конце концов, именно с этого начинают в ваших книгах.

Гибсон машинально улыбнулся. Он боялся, что еще не скоро перестанут поминать его прошлое.

– Да-да. Так легче всего объяснить читателю устройство космолета и передать местный колорит. К счастью, теперь уже не требуют описания космолета. А вот в шестидесятых, когда я начал писать про астронавтику, приходилось откладывать завязку на тысячу слов и описывать, как налажена связь в космосе, как работает атомный двигатель и так далее.

– Значит, – с обезоруживающей улыбкой сказал Норден, – мне мало придется объяснять вам.

Гибсон чуть не покраснел.

– Я буду вам благодарен, если вы мне все покажете, – сказал он.

– Ладно, – ухмыльнулся Норден. – Начнем с рулевой рубки. Ну, полетели.

Следующие два часа они летали по лабиринтам коридоров, которые, подобно артериям, пронизывали шарообразное тело «Ареса». Космолет был разделен широтами, как глобус. На севере находились рабочие помещения и каюты астронавтов. На экваторе – большая кают-компания, занимающая весь поперечник шара, и – поясом – наблюдательная галерея. Южное полушарие занимали запасы горючего и приборы. Теперь, когда «Арес» выключил двигатели, северное полушарие было обращено к Солнцу, а необитаемый юг остался в тени. На южном полюсе была надежно запечатанная дверца с табличкой: «Открывать только по приказу капитана». За дверцей тянулась стометровая труба, соединяющая основной шар со вторым, поменьше. Сперва Гибсон не понял, для чего тут дверь, если ни один человек никогда в нее не войдет; но вспомнил, что существуют и роботы Комиссии по атомной энергии.

Как ни странно, удивительнее всего оказались не технические чудеса – Гибсон ожидал их встретить, – а пустые пассажирские каюты, плотно пригнанные ячейки, занимавшие весь умеренный пояс северного полушария. Они ему не понравились. Дом, куда никто еще не входил, бывает порой тоскливее покинутых развалин, где хоть когда-то была жизнь. Здесь, в гулких коридорах, освещенных проникавшим сквозь стены холодным и голубоватым солнечным светом, охватывало безнадежное ощущение пустоты.

Гибсон вернулся к себе совершенно измотанный, и умственно и физически. Норден – вероятно, не без умысла – оказался даже слишком добросовестным гидом. Да, хотел бы Гибсон знать, что думают эти люди о его творчестве! Конечно, рано или поздно придется работать; но пока его машинка была еще в багаже, и он ее не видел. Ему представилось было, что на ней ярлык: «В космосе не требуется». Но он мужественно преодолел искушение. Как большинству писателей, живущих не только литературным трудом, ему было труднее всего сесть за работу. Но стоило ему начать – и все шло как по маслу... иногда.

Его отпуск продолжался целую неделю. К концу седьмого дня Земля была всего лишь самой сверкающей из звезд, а потом и совсем исчезла в ослепительном блеске Солнца. Теперь нелегко было поверить, что где-то, кроме маленькой вселенной «Ареса», есть жизнь. И команда состояла уже не из Нордена, Хилтона, Маккея, Бредли и Скотта, а из Джона, Фреда, Энгюса, Оуэна и Боба.

Он узнавал их все лучше, хотя Хилтон и Бредли относились к нему настороженно и он не мог их раскусить. У каждого был свой нрав, и чуть ли не каждый считал себя умнее прочих. Гибсон догадывался, что не один из них получил высшую оценку по шкале интеллектуальных испытаний, и нередко смущался, вспоминая команды своих книжных космолетов. Грэхем, любимый его герой, отличался упорством (он выдержал полминуты без скафандра в безвоздушном пространстве) и выпивал по бутылке виски в день. Но доктор Энгюс Маккей, член Международного астрономического общества, сидел в уголке и читал комментированное издание «Кентерберийских рассказов», потягивая молоко из тубы.

Как многие писатели пятидесятых – шестидесятых годов, Гибсон в свое время положился на аналогию между кораблями космическими и кораблями морскими – во всяком случае, между их командами. Сходство было, конечно, но различий оказалось много больше. Это можно было предвидеть, но популярные писатели середины века пошли по линии наименьшего сопротивления и попытались приспособить не к месту традиции Мелвилла. На самом же деле в космосе требовался технический уровень повыше, чем в авиации. Такой вот Норден, прежде чем получить космолет, провел пять лет в училище, три – в космосе и снова два в училище.

Гибсон спокойно играл в дарты с доктором Скоттом, когда первое возбуждение полета внезапно охватило его. Немного есть комнатных игр, в которые можно играть в космосе; долго

играли в карты и шахматы, пока какой-то англичанин не догадался, что в условиях невесомости лучше всего метать дротики. Дистанцию между игроком и мишенью увеличивали до десяти метров. В остальном игра подчинялась правилам, установленным в английских кабаках несколько веков назад. Гибсон очень радовался, что играет так ловко. Он почти все время побеждал Скотта, хотя тот выработал свою, усовершенствованную и мудреную технику: тщательно устанавливал дротик в воздухе, отступал на два шага и только потом посылал в цель. Сейчас Скотт уверенно целился в двадцатку, как вдруг в кают-компанию вплыл Бредли с радиограммой в руке.

– Как ни странно, – сказал он, – за нами погоня.

Все уставились на него. Маккей первый пришел в себя.

– Конкретней, – сказал он.

– За нами гонится курьер, черт его дери! С Внешней станции пустили. Догонит через четыре дня. Они хотят, чтоб я его перехватил радиолучом, когда он будет проходить мимо. Но на таком расстоянии вряд ли удастся. Боюсь, он пройдет за сто тысяч километров.

– Чего это они? Кто-нибудь забыл зубную щетку?

– Да нет, что-то медицинское. Посмотри, доктор.

Доктор Скотт внимательно прочитал радиограмму.

– Занятно. Они думают, что открыли средство от марсианской лихорадки. Какая-то сыворотка. Из Пастеровского института. Наверное, они в ней уверены, если такую спешку развели.

– Ради бога, что за курьер? Какая еще лихорадка? – не выдержал наконец Гибсон.

Доктор Скотт ответил раньше всех:

– Это не марсианская болезнь. По-видимому, мы сами заносим туда какой-то микроб, а ему нравится тамошний климат. Вроде малярии – люди умирают редко, но убытки огромные. За год процент человеко-часов...

– Спасибо большое. Вспомнил. А курьер?

В разговор вступил Хилтон:

– Скоростная автоматическая ракета. Управляется по радио. Она перебрасывает грузы между станциями или гонится за космолетами, если они что-нибудь оставили. Когда она попадает в сферу действия передатчика, луч притягивает ее к космолету. Эй, Боб! – обратился он к врачу. – Почему они не запустили ее прямо на Марс? Она бы долетела гораздо раньше нас.

– Пассажиры на ней капризные. Я должен высеять культуры и нянчиться тут с ними. Помните, что-то в этом роде я делал у себя в больнице.

– А может, – неожиданно сострил Маккей, – вылезем, нарисуем на обшивке красный крест?

Гибсон о чем-то думал.

– Мне казалось, – сказал он наконец, – что на Марсе очень здоровая жизнь, и физически и духовно.

– Не верьте книгам, – сказал Бредли. – Я вообще не понимаю, почему все так рвутся на Марс. Там все плоско, там холодно, и еще эти несчастные голодные растения, прямо из Эдгара По. Всаживаем миллионы, а не получили пока ни гроша. Каждого, кто туда едет по собственной воле, надо освидетельствовать. Конечно, я не вас имел в виду.

Гибсон улыбнулся. Он научился принимать цинизм Бредли только на десять процентов; однако он никогда не был уверен, действительно ли в шутку тот задевает его. Но капитан Норден яростно взглянул на своего помощника:

– Я должен был вас предупредить, Мартин, что мистеру Бредли не нравится Марс. Но такого же невысокого мнения он и о Земле, и о Венере. Так что не огорчайтесь.

– Я и не огорчаюсь, – улыбнулся Гибсон. – Я только хотел бы знать...

– Что? – забеспокоился Норден.

– О мистере Бредли он тоже невысокого мнения?

– Как ни странно, да, – ответил Норден. – Во всяком случае, тут он не ошибается.

– Тронут, – немного растерянно проворчал Бредли. – Удаюсь в уединенную башню и сочини подходящий ответ. А ты, Мак, установи координаты курьера и сообщи мне, когда он подойдет поближе.

– Ладно, – рассеянно сказал Маккей, не отрываясь от Чосера.

Глава 4

Следующие несколько дней Гибсон был занят своими делами и не принимал участия в небогатой событиями общественной жизни «Ареса». Совесть заела его, как всегда, когда он отдыхал больше недели, и сейчас он усердно работал.

Он вытащил машинку, и она заняла почетное место в его каюте. Листы валялись повсюду – Гибсон не отличался аккуратностью, – и приходилось прикреплять их ремнями. Особенно много возни было с копиркой – ее затягивало в вентилятор. Но Гибсон уже обжился в каюте и лихо справлялся со всеми мелочами. Он сам удивлялся, как быстро невесомость становится бытом.

Оказалось, что очень трудно передать на бумаге впечатления от космоса. Нельзя написать «космос очень большой» и на этом успокоиться. Он не лгал в прямом смысле слова; однако те, кто читал его потрясающее описание Земли, катящейся в бездну позади ракеты, не заметили, что писатель в то время пребывал в блаженном небытии, которое сменилось отнюдь не блаженным бытием.

Он написал две-три статьи, которые могли хоть на время утешить его литературного агента (она посылала радиogramмы одна другой строже), и отправился на север, к радиорубке. Бредли принял странички без энтузиазма.

– Каждый день будете носить? – мрачно спросил он.

– Надеюсь. Но боюсь, что нет. Зависит от вдохновения.

– Здесь, наверху второй страницы, много причастий.

– Прекрасно. Очень их люблю.

– На третьей странице вы написали «центробежный» вместо «центростремительный».

– Мне платят за слово, так что очень благородно с моей стороны употреблять такие длинные, а?

– На странице четвертой две фразы подряд начинаются с «но».

– Вы будете передавать или мне попробовать самому?

Бредли ухмыльнулся:

– Хотел бы я посмотреть! А серьезно – советую вам употреблять черную ленту. Синяя не контрастна. Пока что передатчик с этим справится, но, когда отойдем дальше, буквы будут нечеткие.

Пока они препирались, Бредли заправлял страничку за страничкой в окно передатчика. Гибсон зачарованно смотрел, как они исчезали в утробе аппарата и через пять секунд падали в корзинку. Нелегко было представить, что твои слова мчатся в космосе, каждые три секунды удаляясь на миллион километров.

Он еще собирал свои листки, когда на пультах, в гуще циферблатов и тумблеров, покрывавших всю стену рубки, зажужжал зуммер. Бредли кинулся к одному из своих приемников и стал очень быстро делать что-то непонятное. Из громкоговорителя вырвался яростный визг.

– Курьер нас догнал, – сказал Бредли. – Только он далеко. На глазок, пройдет в ста тысячах километров.

– Что можно сделать?

– Очень немного. Я включил маяк. Если курьер поймает наши сигналы, он автоматически подтянется к нам.

– А если не поймает?

– Тогда уйдет из Солнечной системы. Скорости у него достаточно, чтоб ускользнуть от Солнца. У нас тоже.

– Очень рад. А сколько нам времени для этого нужно?

– Для чего?

– Чтоб уйти из системы.

– Года два, наверное. Спросите Маккея. Я не могу ответить на все вопросы. Я не персонаж из вашей книги.

– Еще не поздно, – мрачно сказал Гибсон и выплыл из рубки.

Приближение курьера внесло в жизнь «Ареса» необходимое разнообразие. Веселая беспечность первых дней прошла, и путешествие уже становилось на редкость монотонным. Заклучать пари по поводу курьера предложил доктор Скотт, но банк держал капитан Норден. По вычислениям Маккея, ракета должна была пролететь примерно в ста двадцати пяти тысячах километров с возможной ошибкой в плюс-минус тридцать тысяч. Большинство называло близкие цифры, но некоторые пессимисты, не веря Маккею, дошли до четверти миллиона. Ставили не на деньги, а на более полезные вещи: на сигареты, конфеты и прочую роскошь. В рейс разрешали брать немного, и все это ценилось куда больше, чем клочки бумаги со знаками. Маккей даже внес в банк бутылку шотландского виски. Он говорил, что не пьет, а везет ее на Марс земляку, который никак не может слетать в Шотландию. Никто ему не верил – и зря: примерно так оно и было.

* * *

– Джимми!

– Да, капитан!

– Кислородные индикаторы проверил?

– Так точно, капитан! Все в порядке.

– А как запоминающее устройство, которое ученые нам подсунули? Работает?

– Урчит, сэр. Как и раньше.

– Ладно. В кухне прибрал? У Хилтона молоко сбежало.

– Прибрал, сэр.

– Значит, все сделал?

– Кажется, все, но я хотел...

– Прекрасно. У меня для тебя интересное дело. Мистер Гибсон желает припомнить астронавтику. Конечно, каждый из нас мог бы ему все рассказать. Но... э-э... ты закончил позже остальных и не забыл еще, что трудно для начинающего, а мы слишком многое принимаем как должное. Я уверен, что ты справишься.

Джимми мрачно выплыл из рубки.

– Войдите, – сказал Гибсон, не отрывая глаз от машинки.

Дверь открылась, и в комнату вплыл Джимми Спенсер.

– Вот, мистер Гибсон. Я думаю, в этой книге вы все найдете. Это «Введение в астронавтику» Ричардсона. – Он положил томик перед Гибсоном.

Тот с интересом принялся листать тонкие странички; но интерес тут же испарился: количество слов на страницу быстро уменьшалось. Книгу он отложил, дойдя до страницы, где было написано только: «Подставим расстояние из уравнения 15.3 и получим...» Дальше шли цифры и знаки.

– А попроще у вас нету? – спросил он, не желая огорчать Джимми.

Он немного удивился, когда Спенсера приставили к нему, но у него хватило ума понять причину. Всякий раз, когда попадалась работа, которую никто не хотел делать, ее сваливали на Джимми.

– Что вы, она очень простая! Вы бы посмотрели книги Маккея. Каждое уравнение на две страницы.

– Ну что ж, спасибо. Я вам скажу, если чего не пойму. Лет двадцать не нюхал математики, а раньше очень ее любил... Если книжка вам понадобится, скажите.

– Это не к спеху, мистер Гибсон. Я теперь ею почти не пользуюсь.

– Да, хочу вас спросить. Многие еще боятся метеоров, и меня просили дать последние сведения в этой области. Очень они опасны?

Джимми подумал.

– Я, конечно, могу вам сказать приблизительно. Но лучше спросить Маккея. У него точные таблицы.

– Ладно, спрошу.

Гибсон мог позвонить Маккею, но грешно было упустить случай полениться. Маленький астрогатор играл, как на рояле, на большой электронно-счетной машине.

– Метеоры? – сказал Маккей. – Что ж, интересная тема. Боюсь, много про них выдумывают. Еще недавно считали, что космолет превратится в решето, как только выйдет за пределы атмосферы.

– Многие и сейчас считают, – сказал Гибсон. – Во всяком случае, не все уверены в безопасности большого пассажирского путешествия.

Маккей недовольно хмыкнул:

– Молния гораздо опаснее. Самый большой метеор меньше горошины.

– В конце концов, попортили же они космолет.

– Вы имеете в виду «Королеву звезд»? Ну знаете, один несчастный случай за пять лет – это еще ничего! Ни один космолет не погиб из-за них.

– А «Паллада»?

– Никто не знает, что с ней было. Принято думать, что это метеоры. Надо сказать, эксперты иного мнения.

– Значит, могу сказать читателям, чтоб они не беспокоились?

– Да. Конечно, есть пыль...

– Пыль?

– Ну, если вы подразумеваете под метеорами крупные тела, от двух миллиметров и выше, беспокоиться нечего. А вот с пылью много хлопот, особенно на станциях. Каждые два-три года приходится вылезать наружу и чинить оболочку.

Это не очень понравилось Гибсону, и Маккей поспешил его успокоить.

– Беспокоиться совершенно нечего, – заверил он. – Небольшая утечка всегда есть. Воздушная система легко это исправляет.

Каким бы занятым ни был или ни хотел казаться Гибсон, он всегда находил время побродить по гулким лабиринтам космолета или посмотреть на звезды с галереи. Чаще всего он ходил туда во время концерта. В 15.00 оживали каналы связи, и целый час земная музыка заполняла пустынные переходы «Ареса». Программу выбирали по очереди; и вскоре все легко отгадывали, кто именно заказывал концерт. Норден любил оперу и легкую классическую музыку, Хилтон предпочитал Бетховена или Чайковского. Маккей и Бредли глубоко их презирали и упивались атональными какофониями, которых никто, кроме них, не понимал и понимать не хотел. Фонотека была огромная, библиотека – еще больше, так что читать и слушать можно было всю жизнь без повторений. Четверть миллиона книг и несколько тысяч музыкальных произведений – все в электронной записи – терпеливо ожидали, когда их вызовут к жизни.

Гибсон сидел на галерее и подсчитывал, сколько Плеяд можно различить невооруженным глазом, как вдруг что-то просвистело у него над ухом, с визгом вонзилось в стену и затрепетало, как стрела. Тут он увидел, что вместо наконечника у стрелы большая резиновая присоска, а вместо оперения длинная тонкая нить, уходящая в неизвестность. Он обернулся и обнаружил доктора Скотта, который двигался по этой нити, словно предприимчивый паук.

Гибсон задумался, что бы сказать поехиднее, но, как всегда, доктор начал первым.

– Здорово, а? – сказал он. – Бьет на двадцать метров. А весит полкило. Вернусь на Землю – запатентую.

– А что это? – смиренно спросил Гибсон.

– Господи, неужели не понятно? Представьте, что вы хотите перебраться с одного места на другое. Выстрелите этой штукой в любую точку плоской поверхности и лезьте по веревке. Якорь – высший сорт!

– А разве мы сейчас плохо передвигаемся?

– Когда пробудете с мое в космосе, – мрачно сказал Скотт, – поймете, что плохо. У нас тут хоть есть за что держаться. А представьте себе, что вы должны пройти через пустую комнату. Вы знаете, на что обычно жалуются космические врачи? На вывихи. Можно даже застрять в воздухе. Я, например, застрял на Третьей станции, в большом ангаре. Ближайшая стена была в пятнадцати метрах, и я не мог до нее добраться.

– А вы не могли плюнуть? – важно сказал Гибсон. – Я думал, так обычно выходят из затруднения.

– Попробуйте. И вообще, это негигиенично. Знаете, что мне пришлось сделать? Я был, как всегда, в одних шортах. И вот высчитал, что они составляют примерно одну сотую моей массы и, если я их отшвырну со скоростью тридцать метров в секунду, я достигну стены через минуту.

– Так вы и сделали?

– Да. Но как раз в то время директор показывал жене станцию. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему мне приходится работать на такой посудине.

– Мне кажется, вы выбрали не свое дело, – ликовал Гибсон. – Вам надо было пойти по моим стопам.

– Насколько я понимаю, вы мне не верите, – огорчился Скотт.

– Не верю – это еще мягко сказано. Ну ладно, давайте посмотрим вашу штуку.

Скотт дал ему «штуку». Она оказалась воздушным пистолетом; к присоске была приделана длинная нейлоновая нить.

– Прямо...

– Если вы скажете: «прямо духовое ружье», мне придется констатировать эпидемию. Уже трое говорили.

– Спасибо за предупреждение, – сказал Гибсон и вернул пистолет гордому изобретателю. – Кстати, как там Оуэн? Установил связь с этим курьером?

– Нет, и вряд ли установит. Мак говорит, он пройдет в ста сорока пяти тысячах. Вот свинство! Другого космолета на Марс не будет несколько месяцев. Потому они так и хотели нас поймать.

– Занятный человек ваш Оуэн, а? – не совсем последовательно сказал Гибсон.

– Он совсем не так плох, как кажется. Не верьте, что он отравил жену. Она сама спилась, – со вкусом сказал Скотт.

* * *

Оуэн Бредли, доктор физических наук, член многих научных обществ, пребывал в унынии. Как все на «Аресе», он относился к своему делу серьезно и с жаром, хотя над ним и посмеивались. Последние полсуток он не покидал радиорубки: он ждал, что сигналы курьера изменятся, сообщая о том, что сигнал «Ареса» принят и маленькая ракета меняет курс. Но изменений не было. В сущности, их и не могло быть – небольшой радиомаяк, который притягивал такие ракеты, обладал радиусом действия только в двадцать тысяч километров. Обычно этого хватало, но курьер был дальше.

Бредли соединился с Маккеем:

– Что нового, Мак?

– Особенно близко не подойдет. Сейчас он в ста пятидесяти тысячах километров, движется почти параллельно. Ближе всего будет часа через три – в ста сорока четырех тысячах километров. Я проиграл пари, а все мы, по-видимому, упустили курьера.

– Боюсь, что ты прав, – проворчал Бредли. – Но посмотрим, посмотрим... Я иду в мастерскую.

– Зачем?

– Хочу соорудить одноместную ракету и погнаться за курьером. У Мартина в книге это заняло бы полчаса. Иди помоги мне.

Маккей был ближе к экватору, чем Бредли, и прибыл на южный полюс первым. Там он растерянно ждал, пока не явился Бредли, увешанный кабелем, который он взял со склада, и быстро изложил свой план.

– Надо было раньше додуматься. Но это дело хлопотное, а я, знаешь, всегда надеюсь до последнего. Наш маяк, как на беду, дает сигналы во всех направлениях. Что ему, в сущности, делать, если мы не знали, с какой стороны будет цель? Сейчас я попробую соорудить направленную антенну и запузырить туда всю мощность.

Он набросал незамысловатую антенну и объяснил все Маккею.

– Вот этот диполь – излучатель как таковой. Остальные – направляют и отражают луч. Старомодно, конечно, зато легко смастерить и свое дело сделает. Позови Хилтона, если сам не справишься. Сколько тебе надо времени?

Хотя Маккей был человек книжный, у него были поистине золотые руки. Он взглянул на чертеж и на кипу материалов.

– Примерно час, – сказал он, принимаясь за работу. – Куда ты сейчас идешь?

– Вылезу наружу и распотрошу маяк. Как только справишься, тащи антенну к тамбуру, ладно?

Маккей плохо разбирался в радиотехнике, но достаточно хорошо понял, что задумал Бредли. Сейчас маленький маяк «Ареса» посылал сигналы во все стороны. Бредли решил направить луч только на курьера, увеличив тем самым его мощность во много раз.

Примерно через час Гибсон наткнулся на Маккея – тот тащил по космолету клубок проводов, разделенных пластиковыми стержнями, – уставился на него и поплыл за ним к тамбуру, где нетерпеливо ждал Бредли в неуклюжем скафандре с откинутым шлемом.

– Какая звезда ближе всего к курьеру? – спросил Бредли.

Маккей быстро прикинул.

– У эклиптики его нет, – проворчал он. – Последние цифровые данные у меня были... минуточку... склонение около пятнадцати градусов к северу, прямое восхождение – около четырнадцати часов. Я думаю, это будет... никак не могу все запомнить... где-нибудь в созвездии Волопаса. Да! Недалеко от Арктура. Не больше чем в десяти градусах. Сейчас посчитаю точно.

– Для начала сойдет. В крайнем случае повожу лучом. Кто сейчас в радиорубке?

– Норден и Фред. Я им звонил, и они дежурят. Я буду держать с тобой связь.

Бредли опустил шлем и исчез в тамбуре. Гибсон с завистью смотрел на него. Он мечтал выйти в скафандре, но, сколько он ни просил Нордена, тот говорил, что это против правил. Скафандр был очень сложный, не ровен час – ошибешься, и придется устраивать похороны в не слишком пригодных для того условиях.

Когда Бредли выскользнул в космос, он не тратил времени на любовование звездами. Он медленно двинулся вдоль обшивки и добрался до отодвинутой пластины. В ослепительном солнечном свете сверкала сеть проводов и кабеля; один провод был перерезан. Бредли наскоро, временно, соединил концы, удрученно качая головой: вышло неважно, половина тока пойдет обратно на передатчик. Потом нашел Арктур, направил туда луч, поволил им и включил связь.

– Ну как? – тревожно спросил он.

Из динамика послышался унылый голос Маккея:

– Никак. Соединяю тебя с ребятами.

Норден подтвердил:

– Сигналит еще, но нас не узнал.

Бредли удивился. Он был уверен в успехе: на худой конец, луч маяка должен был удлиниться раз в десять. Еще несколько минут он водил лучом. Сейчас он уже различал маленькую ракету, которая несла драгоценный, необычный груз к пределам Солнечной системы и дальше, в бесконечность.

Он снова соединился с Маккеем.

– Слушай, Мак, – быстро сказал он. – Проверь его координаты, потом иди сюда, постреляй сам. А я пойду поковыряюсь в передатчике.

Маккей сменил его, и Бредли поспешил в рубку. Гибсон и вся команда мрачно топтались у контрольного аппарата, откуда вырывался до отчаяния бесстрастный свист.

Куда делись вялые, почти кошачьи движения Бредли? Он выключал цепи одну за другой и присоединял их к распределительной доске. За несколько минут он присоединил провода к самой середине передатчика.

– Ты разбираешься в этих курьерах? – спросил он Хилтона. – Сколько времени ему нужно получать наш сигнал, чтобы свернуть к нам?

– Это зависит от его относительной скорости и от многого другого. Так что минут десять, не меньше.

– А потом неважно, работает маяк или нет?

– Да. Как только он повернет к нам, маяк не нужен. Конечно, надо послать сигналы, когда он будет рядом, но это нетрудно.

– А сколько времени он будет сюда идти, если я поймаю его?

– Дня два, а может, и меньше. Что ты там крутишь?

– Усилители этого передатчика рассчитаны на семьсот пятьдесят вольт. Я подключаю к нему питание на тысячу вольт – вот и все. Это ненадолго, зато сердито, – мы удвоим или даже утроим мощность.

Он вызвал Маккея, который, не зная, что передатчик выключали, прилежно целился в Арктур, словно космический Вильгельм Телль.

– Эй, Мак, как ты там?

– Я совершенно окостенел, – с достоинством ответил Маккей. – Сколько ты еще...

– Сейчас начинаем. Пошло.

Бредли повернул выключатель. Гибсон ждал, что полетят искры, и был разочарован. Ничего не изменилось; но Бредли знал лучше и, глядя на шкалу, кусал губы.

Радиоволнам понадобилось полсекунды, чтоб донести сигнал до крохотной ракеты. Но прошло полсекунды и еще полсекунды – достаточно времени для ответа, – однако звук был все тот же. Вдруг посвистывание прекратилось. Все притихли. В ста пятидесяти тысячах километров от них робот разбирался в новой информации. Наверное, он минут пять собирался с мыслями; и вот что-то запищало снова, но теперь иначе: «бип-бип-бип».

Бредли сдерживал энтузиазм команды.

– Рано, рано, – говорил он. – Помните: он должен получать сигнал десять минут подряд, чтобы изменить курс. – И тревожно посмотрел на свои приборы, прикидывая, сколько времени вытянет нагрузка.

Они продержались семь минут, но у Бредли были наготове запасные, и он подключил их секунд за двадцать. Эти, новые, еще работали, когда звук изменился снова, и со вздохом облегчения Бредли выключил маяк.

– Иди сюда! – позвал он Маккея. – Все.

– Слава богу. Я чуть не получил солнечный удар. И руки-ноги затекли, пока я тут натягивал свой купидонов лук.

– Когда кончите радоваться, – сказал Гибсон, который наблюдал с интересом, но не все понимал, – может, вы изложите мне в нескольких отточенных фразах, как вы проделали этот фокус?

– Сконцентрировали луч и перегрузили передатчик.

– Да, я знаю. А почему вы его выключили?

– Контрольные приборы сработали, – начал Бредли тоном философа, беседующего с отсталым ребенком. – Первый сигнал сообщил нам, что он принял нашу волну, и мы поняли, что он автоматически поворачивается к нам. Это заняло несколько минут. А когда он закончил, он выключил двигатели и послал второй сигнал. Он еще на прежнем расстоянии, конечно, но повернут к нам и подойдет дня через два. Тогда я опять включу маяк. Подтянем его на километр или даже меньше.

Сзади раздался вежливый кашель.

– Простите, сэ,р, но я хочу вам напомнить... – начал Джимми.

Норден засмеялся:

– Ладно, заплачу. Вот ключи. Шкаф двадцать шесть. А на что тебе бутылка виски?

– Я думал продать ее доктору Маккею.

– Мне кажется, – сказал Скотт, строго глядя на Джимми, – такое дело надо отпраздновать...

Но Джимми уже не слышал – он выплыл за выигрышем.

Глава 5

– Час назад у нас был один пассажир, – сказал доктор Скотт, внося на руках, как ребенка, длинный металлический ящик, – а теперь – несколько миллиардов.

– Как, по-вашему, не повредило им путешествие? – спросил Гибсон.

– Кажется, термостаты работали хорошо, все должно быть в порядке. Я уже приготовил культуру, сейчас их пересажу, пускай отдыхают до Марса.

Гибсон отправился на ближайший наблюдательный пост. У самой воздушной камеры висело длинное тело курьера, и мягкие кабели расходились от него, как щупальца глубоководного чудовища. Когда радиолуч притянул ракету на несколько километров, Хилтон и Бредли взяли кабель, вылезли наружу и заарканили ее. Затем лебедки подтянули ракету вплотную.

– А что с ней теперь будет? – спросил Гибсон капитана.

– Вытащим приборы, а каркас оставим в космосе. Не стоит тратить горючее, чтобы тащить его на Марс. Так что у нас будет маленькая луна – до тех пор, пока не начнем разгоняться.

– Как собака у Жюль Верна.

– Где это? «Из пушки на Луну»? Не читал. Пробовал, правда, но не смог. Что может быть нуднее вчерашней научной фантастики? А у Жюль Верна – позавчерашняя.

Гибсон счел нужным заступиться за свою профессию.

– По-вашему, у научной фантастики нет литературной ценности?

– Вот именно! Иногда, поначалу, она приносит пользу. Но для следующего поколения она непременно становится старомодной. Вспомните, что стало с романами о космических полетах.

– Говорите, говорите, не бойтесь меня обидеть. Если боялись, конечно.

Норден говорил со знанием дела, и это не удивляло Гибсона. Если бы кто-нибудь из его спутников оказался специалистом по лесонасаждениям, санскриту или биметаллизму, он тоже бы не удивился. А кроме того, он и раньше знал, что научная фантастика пользуется большой, хотя и несколько иронической, популярностью у профессиональных астронавтов.

– Так вот, – сказал Норден, – посмотрим, как было раньше. До шестидесятого, а может, и до семидесятого года еще писали о первом полете на Луну. Сейчас это читать нельзя. Когда на Луну слетали, несколько лет еще можно было писать о Марсе и Венере. Теперь и это невозможно читать, разве что для смеха. Наверное, дальние планеты еще попытают поколение-другое, но романы о межпланетных путешествиях, которыми зачитывались наши деды, кончились на исходе семидесятых годов.

– Но ведь книги о космических полетах популярны и сейчас?

– Да, но не фантастика. Теперь ценят чистые факты – вроде тех, что вы сейчас посылаете на Землю, или чистую выдумку. Эти истории из жизни далеких галактик практически то же самое, что волшебные сказки.

Норден говорил очень серьезно, только глаза его хитро поблескивали.

– Я с вами не согласен, – сказал Гибсон. – Во-первых, масса народу еще читает Уэллса, хотя он устарел на сто лет. А во-вторых, перейдем от великого к смешному – мои первые книги тоже читают. Например, «Марсианскую пыль».

– Книги Уэллса – литература, а не фантастика. Кстати, какие его романы читают больше всего? Самые простые, вроде «Кипса» или «Мистера Полли». А фантастические читают совсем не из-за пророчеств. Их читают, несмотря на безнадежно устаревшие пророчества. Кроме «Машины времени», конечно. Она – о таком далеком будущем, что из моды выйти не может... Да и написана лучше всего.

Он замолчал. Гибсон ждал, перейдет ли он ко второму пункту. Наконец Норден спросил:

– Когда вы написали «Марсианскую пыль»?

Гибсон быстро подсчитал в уме.

– В семьдесят третьем или семьдесят четвертом.

– Я не знал, что так рано. Вот вам и объяснение. Космические полеты должны были вот-вот начаться, все это знали. У вас уже было имя, и «Марсианская пыль» попала в самую жилу.

– Вы объяснили, почему ее читали тогда, но я не об этом говорю. Ее и сейчас читают. Насколько мне известно, марсианская колония заказала много экземпляров, хотя там описан Марс, который существовал только в моем воображении.

– Ну, значит, у вас ловкий издатель. Кроме того, вы сумели удержаться на виду до сих пор. И наконец, это действительно здорово написано, лучше всего у вас. Понимаете, как сказал бы Мак, вам удалось схватить дух времени, дух семидесятых годов.

Гибсон хмыкнул, помолчал, потом рассмеялся.

– Можно и мне посмеяться? – спросил Норден. – В чем дело?

– Интересно, что бы подумал Уэллс, если б он услышал, как обсуждают его книги на полпути от Земли к Марсу.

– Не преувеличивайте, – сказал Норден. – Мы пролетели только треть.

Далеко за полночь Гибсон внезапно проснулся. Что-то разбудило его – какой-то звук, похожий на далекий взрыв, далеко в недрах корабля. Он приподнялся в темноте, натянул эластичные ремни, прикреплявшие его к койке. Отблески звездного света шли из иллюминатора – его каюта была на ночной стороне космолета. Он прислушался затаив дыхание, пытаясь услышать самый тихий звук.

По ночам на «Аресе» было много звуков, и Гибсон знал их все. Корабль жил, а тишина означала бы смерть. Бесконечно обнадеживало посапывание кислородных насосов, управляющих искусственным ветром крохотной планеты; а на этом слабом, но непрерывном фоне то урчали скрытые двигатели, выполняя какую-то тайную работу, то тикали электрические часы, то попискивала вода в водопроводных устройствах. Ни один из этих звуков не разбудил бы его, он привык к ним, как к собственному дыханию.

Еще не совсем проснувшись, Гибсон пододвинулся к двери и прислушался к звукам в коридоре. Он подумал, не позвать ли Нордена, и решил не звать. Может быть, ему приснилось, а может быть, просто вступил в действие еще один прибор.

Он снова лежал в постели, когда ему пришла новая мысль. В сущности, почему он решил, что звук раздался далеко?.. А, ладно, он устал, и вообще это неважно.

Гибсон трогательно и слепо верил в приборы. Если бы что-нибудь разладилось, автоматическая сирена немедленно подняла бы всех на ноги. Ее проверяли множество раз, она была способна разбудить мертвых. Значит, можно спокойно заснуть, положившись на ее неусыпное бдение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.